

В. А. Новиков

Африканский дневник
вольнопределяющейся

Аллы N

Нью-Йорк

2006г.

Маленькое предисловие о маленькой войне

Все у нас знают о нашей войне в Афганистане. Ее освещали СМИ (и не только по причине низкого уровня электрификации этой бедной страны), о ней писали и делали фильмы. Однако не все знают, а иногда даже все не знают, что во времена холодной войны (т.е. до глобального потепления) происходили и другие войны с нашим участием - войны тихие и маленькие. По-английски они назывались проху wars - опосредованные войны. Т.е. когда кого-нибудь в третьем мире - будь то страна или ее часть, президент, повстанец, царь, тиран, вурдалак, просто бандит или вегетарианец - поддерживала Америка, то любого другого, который с этим кем-то воевал - будь то страна или ее часть, президент и т.д. - поддерживали мы. Последнее называлось выполнением интернационального долга.

Официально эти войны не признавались. Их как бы вообще не было. Это была своеобразная игра двух сверхдержав, в которой роль шахматной доски исполняли континенты. Что отнюдь не мешало этим игрушечным войнам ранить и убивать по-настоящему, в том числе и наших соотечественников. Ибо помимо матчасти (так по соображениям военной тайны называются в армии вооружение и боевая техника), в помощь шахматным фигурам (которые были, как правило, одного цвета - черного), посылались и люди (чтобы их не было слишком жалко, их в армии называют личным составом).

Правда, сам личный состав особо не жаловался: интернациональный долг оплачивался по тем временам совсем недурно, причем возделенными тогда «чеками», за которые без очереди покупались машины, квартиры и всякие диковинные товары, изготовленные в странах «воображаемого противника».

В составе этого личного состава, направляемого в неожиданно ставшие братскими экзотические страны в целях военного и социалистического строительства направлялись военные советники, инструкторы, преподаватели, специалисты и т.д.. Вместе с ними ехала и наша братия – переводчики («толмачи и прочая обозная сволочь...»). Помимо закончивших Военный институт иностранных языков (ВИИЯ), т.е. кадровых военных, много было и призванных на 2 года выпускников гражданских вузов. Это был молодой, беспечный и веселый народ, который именно этими своими качествами вызывал недовольство старших товарищей.

Так вот, одна из таких международных войн местного значения имела место в Эфиопии. Началась она, естественно, на том судьбоносном этапе, когда в этой стране, которая только и держалась за счет американской помощи, сложилась революционная ситуация. Т.е. когда низы не хотели больше жить по-старому (потому как они состояли из нескольких молодых офицеров), а верхи не могли по-старому управлять (император Хайле Силасси в это время спал, причем с Альцгеймером). Так в 1974 году свершилась Великая Эфиопская Социалистическая Революция. Молодой майор Менгисту Хайле Мариам – человек бонапартовского роста и таких же амбиций, удачно перестреляв врагов и бывших соратников по борьбе с царским режимом, а также всех, кто имел даже хотя бы незаконченное начальное образование, пришел к власти и установил диктатуру пролетариата (из-за отсутствия последнего она была сразу же заменена просто на диктатуру).

В 1977 году соседняя страна под названием Сомали, поддерживавшаяся до того нами во всех отношениях, предала дело социализма, перестала его строить и потеряла братский характер. Она выгнала всех наших и военных, и гражданских, и при помощи Америки тут же напала на братскую уже нам Эфиопию.

Мы сразу же стали помогать маленькому и беззащитному после армейских чисток Менгисту. Полетели самолеты, поплыли пароходы... Однако сомалийцы уже рвались к Аддис-Абебе, и их пришлось разгромить кубинским солдатам-интернационалистами. Но война продолжалась с эритрейскими сепаратистами на севере,

которые у себя в Эритрее хотели создать свое эритрейское государство. Нужно было помочь разгромить этих буржуазных националистов и построить социализм.

Вот на этой маленькой войне присутствовали я и мои многочисленные друзья. Кому-то повезло больше, кому – меньше. Кому-то вообще не повезло. Некоторые попали в спокойные, далекие от фронта места, где проходило обучение эфиопских войск.

С переводом, однако, были определенные трудности. ВИИЯ еще не успел перестроиться на массовое производство амхаристов, а знающих английский язык эфиопов – после стараний Менгисту – оставалось совсем мало. Дело усугублялось еще и тем, что ВИИЯ присылал ребят с первыми иностранными языками, которые в результате колебаний политической конъюнктуры потеряли спрос – индонезийским, например, вьетнамским или ивритом.

По мере успокоения ситуации в такие места стал разрешаться приезд семей. До этого приезда могло пройти два, полтора или полгода. Но независимо от периода к этому звездному часу со многими из нас происходили глубокие изменения, порой необратимые (например, в виде летального исхода). В последнем случае, естественно, подавалась команда «отставить», и приезд отменялся.

«Африканский дневник» был написан как подарок одному близкому человеку. Но я думаю, он может быть небезынтересным и всем другим, в том числе и моим коллегам-переводчикам.

Enjoy.

28 ноября 2007г.

Алла щелкнула выключателем. Тусклый свет прихожей осветил на стене карту Эфиопии, которая была сделана из злаковых и стручковых, произрастающих в этой африканской стране: каждая провинция была выложена зернами и бобами. Провинция Кафа была, естественно, из кофейных бобов. Остальных культур Алла не знала. Где-то должно быть знаменитое кунжутное семя. Наверняка есть зерна тэфа – может, в провинции Шоа? - из которого делают инжеру – коричневого цвета большущие блины, по вкусу напоминающие бородинский хлеб. Нужно оторвать кусок инжеры и поймать им кусок «сыги» - мяса, плавающего в огненном от красного перца соусе. «Сыга вот» - самое любимое Аллино эфиопское блюдо. Ах, теперь бы ее желудок этой адской смеси не перенес. Всему свое время. Как там мы пели? Молодость моя – Эфиопия...

Алла заспешила на балкон. Пока Алеша с Сережей еще не встали, нужно выпить чашечку кофе и выкурить парочку сигареточек, чтобы взбодриться. За балконом висел московский утренний мрак. Да, эфиопский кофе был получше. Что это Эфиопия сегодня с утра из головы не идет? Не так уж и долго мы там прожили. Фамилии забываются. Вот как фамилия рыжего маленького подполковника, который ради экономии питался с женой одним квасом, который он делал из ржаных корок? Звали его Левоу, а фамилия... Можно, конечно, с Алешей повспоминать или позвонить Стариковым в Нью-Йорк. А лучше всего было бы взять и перечитать эфиопский дневник. Алла подошла к книжному шкафу...

10 апреля 1980г.

Наконец! Паспорт и билет у меня на руках! Через неделю я вылетаю в Эфиопию! Дядечка полковник в 10-м управлении, а, может, даже майор, строго посмотрел на меня при выдаче документов, как бы говоря: «Не подведите, Родина надеется на Вас...»

А я даже толком не знаю – куда я лечу? В энциклопедии домашнего хозяйства про Эфиопию ни слова, только в учебнике по экономической географии для 9-го класса прочла, что главная статья экспорта Эфиопии – кунжутное семя. Куда она это семя экспортирует? Уж точно не нам. А то б за ним в очередях уже давились. «Аллочка, там семя кунжутное в 41-й завезли – на твою долю взять?» Как же, возьмешь ты... Там уже, небось, над прилавком плакат подвесили: «Кунжутное семя – отпуск по одному семени в одни руки!» Странная, вообще, фраза – «в одни руки». Я понимаю, если бы про Мересьева сказали: «Из конечностей у него остались одни руки». А тут..

Ну, да ладно, главное, что паспорт и билет на руках (господи, прицепились же ко мне эти руки)...

17 апреля.

Я – в самолете ТУ-154. Только что подавали черную икру – красота! Мужчины заказывают коньяк, и им приносят. Некоторые так много заказывали, что не могут больше пить. А некоторые так много пили, что не могут больше заказывать. Интересно, они тоже, как мой Алеша, летят в Эфиопию выполнять интернациональный долг? Вряд ли, такие пьянчужки даже социализм построить не смогут (Ох, хорошо, что мысли мои никто не слышит, а то б...). А вот Алеша уже почти год как исполняет, в военную форму его одели, и кепка такая смешная. Как он там? Письма его со временем становились все короче. А поначалу довольно подробно писал, как они готовят эфиопских курсантов, чтобы они воевали с врагами эфиопской социалистической революции где-то на севере. Но Лешу туда, слава Богу, не посылают, а училище – недалеко от Аддис Абебы. А нового

руководителя страны зовут Менгисту Хайле Мариам. Смешное имя – Менгисту. Но сам парень, кстати, довольно молодой – по ТВ показывали, и видно, что не лыком шит (или как говорят, наверное, в Эфиопии, не одним кунжутным семенем питался): свергнул императора Хайле Силасси. Когда революционные офицеры ворвались в императорский дворец, то обнаружили, что у монарха – золотой ватер-клозет. Интересно, что с ним сейчас? Ведь его можно отмыть и... Я имею в виду ватер-клозет, конечно, а не Хайле Силасси.

Так вот, со временем Лешины письма становились все короче. А одно меня даже встревожило: мой ласковый, воспитанный Алеша написал: «На этом заканчиваю. Дело близится к обеду – я с горы на жопе еду!» Что там с ним происходит?

18 апреля.

К моему удивлению Эфиопия оказалась прохладной, температура не выше 20 градусов. Встретивший меня в аэропорту старший переводчик – непосредственный Алешин начальник по имени Ренат Баев – повез меня на военном джипе по горной дороге в деревню N, где находится военное училище. Виды с извилистой дороги открывались замечательные. Воздух какой-то прозрачный (может от того, что разреженный, ведь здесь 2,5 км над уровнем моря) и видно далеко-далеко: горы, поросшие эвкалиптовыми лесами, глубокие ущелья, равнины, утыканные зонтичными акациями... От этого всего у меня, наверное, перехватывало бы дух, но к сожалению, отвлекаться на природу совершенно не дает этот Ренат Баев (он то ли майор, то ли старший майор, уже не помню, как он назвался). Во-первых, он практически не смотрит на дорогу, так как его взор прикован к моим коленям. Во-вторых, когда ему нужно перейти на другую передачу, он старается найти ручку переключения скоростей у меня между ногами. Очень похотливый немолодой человек, а еще начальник.

Проехав неказистую деревеньку, дома которой напоминали ульи из сказок братьев Гримм, мы остановились у «дежурки на пару минут», как сказал Баев. Дежурка располагалась в одноэтажном бараке. В первой от входа комнате сидел дежурный офицер в смешной кепке. Перед ним на столе стоял телефон с ручкой, которую нужно крутить (наверное, времен гражданской войны), и огромный пулемет на треноге, дуло которого было направлено на худого светловолосого юношу в очках с тонкой оправой. «Должно быть, этот юноша – предатель, - подумала я, - и его хотели расстрелять, но мое неожиданное появление помешало привести приговор в исполнение». Лицо же юноши не выявляло никаких признаков страха. На нем были отображены всего лишь два чувства: омерзение и презрение. Не обращая внимания на смертельное дуло, юноша читал книгу, на обложке которой было написано: «Самоучитель итальянского языка», и беззвучно шевелил губами. Увидев меня, однако, он встал и, не меняя презрительного выражения лица, представился: «Виктор». Виктор оказался вовсе не предателем Родины, а дежурным переводчиком. Узнав, что я из Москвы, он поджал и без того тонкие – под оправу – губы, отчего еще больше стал похож на предателя Родины, и выдавил из них: «Я – из Киева». После чего углубился в учебник.

В этот момент снаружи послышался шум большого поваленного дерева, которое волокли по земле. Дежурный офицер выбежал на улицу. Оттуда раздались крики на непонятном, надо полагать амхарском, языке и глубокие стоны. «Горин! – крикнул офицер, - А ну-ка сюда – бегом!» Виктор встал с дивана с видом человека, которого сейчас вырвет. Он поправил очки на тонком носу, осторожно положил на стол учебник и не спеша вышел из комнаты.

Волок дерева возобновился. Шум становился все громче. Наконец на пороге появилась напряженная спина дежурного офицера.

К моему удивлению, в комнату тащили не дерево, а довольно тучного и пожилого мужчину в военной форме и с лицом кирпичного цвета. Тащить его помогал хрупкого телосложения молодой эфиопский офицер. С большим трудом тело было водружено на

диван. «Кто этот человек? – подумала я. – Он, наверное, тяжело ранен монархистами или сепаратистами». Из того, что говорил дежурный офицер, я поняла, что раненый – его товарищ, и не просто товарищ, а товарищ полковник. Еще меня поразило то, что несмотря на горизонтальное положение товарища полковника, кепка с длинным козырьком с его головы не слетала.

Раненый захрипел. «Агония, - подумала я. – Сейчас будут отходить каловые массы». Дежурного офицера, однако, состояние полковника вовсе не волновало, он лишь время от времени недовольно поглядывал на меня и барабанил по столу пальцами. Переводчик Виктор еще пристальней всматривался в книгу и шептал итальянские глаголы. Казалось, что это католический священник молится за душу усопшего.

«He is my father», - вдруг промолвил эфиоп и снял кепку. Должно быть, лицо мое изобразило удивление, и он решил уточнить: «Колонель Зайка, - указал он на тело, - is my father». Подождав несколько минут, он добавил: «We all love Colonel Zaika. He is our father».

Зайка – по-видимому, это была фамилия полковника – тем временем пошевелинулся и стал производить булькающие звуки. «Давай тазик сюда быстро», - приказал дежурный Виктору. Виктор встал с таким омерзением, как будто ему приказали нырнуть в выгребную яму. «Нет, у Зайки, похоже, все-таки не агония», - поняла я и решила выйти на свежий воздух.

В темном длинном коридоре что-то шевельнулось. Прежде, чем что-то разглядеть, я ощутила богатую гамму запахов, среди которых сразу же угадывался плацкартный вагон, в котором разулись все мужчины. Хорошо также обонялись сигареты, по-видимому, очень дурного качества, и свежесъеденная тушенка. Вглядевшись, я увидела очертания небольшого худого мужчины, раздетого по пояс. Загорелый его торс носил следы майки-соколки: шея и руки были практически черными, а живот – смуглым с сероватым оттенком. Попривыкши к темноте, я заметила, что это все-таки не следы от майки, а сама майка, которая так слилась с плотью, что, казалось, выросла в нее. В руках человек держал пинцет, который, в свою очередь, сжимал крошечный окурочек сигареты. Окурочек был настолько крохотным, что, казалось, вот-вот перестанет быть виден невооруженным глазом. В любом случае, пальцами его было не удержать. Когда курильщик затягивался, разгорающийся кончик ничтожного бычка освещал его впалые щеки, запекшиеся от раскаленного пинцета губы и казавшиеся безумными глубоко посаженные голубые глаза.

Увидев меня, человек очень вежливо поздоровался и даже слегка поклонился. Затем, к моему крайнему изумлению, он забычковал окурочек и, извинившись, удалился вглубь темного коридора. Сцена эта мне напомнила «Остров доктора Морро», где разводили странных существ. Или «Солярис», где разум рожал чудовищ, которых персонал прятал в своих комнатах, но те иногда выбегали в коридор. Покурить...

Вид на улице был приятнее: за баракком начиналась высокая трава, затем виднелся ручей, а за ним – небольшое поселение, состоящее из нескольких деревянных, покрашенных в синий цвет домов барачного типа, окруженных большими деревьями с круглой густой кроной и ярко желтыми цветами. Там, наверное, будет теперь мой дом.

25 апреля.

Я не ошиблась. Нас поселили с Алешей в одном из деревянных барачков. Каждый барачок разбит на несколько квартир, в каждой квартире – по две комнаты, в каждой комнате – по семье.

По утрам Алешу увозят в кузове грузовика в артиллерийскую школу, которую называют «миссией» - «mission» - раньше там размещались миссионеры-католики. Теперь же в их помещениях наши «спецы» готовят артиллеристов. Алеша работает с зенитчиками, которые учат эфиопских курсантов стрелять по самолетам. Интересно, что у эритрейцев, с которыми надо воевать, самолетов нет. То есть интересно не это, а то, по

каким целям будут стрелять выпускники училища. Я спросила Алешу, но он ответил так неожиданно резко и кратко, что я решила, что лучше я буду считать, что я ослышалась. Вообще мой мягкий и добрый Алеша заметно изменился. Когда я отметила, что здесь очень приятный прохладный климат, Алеша сказал, что еще посмотрит, что я скажу, когда начнется период дождей. «А что, часто идут дожди?» «Дожди просто заебали», ответил Алеша.. Грубо, конечно, но его можно понять: грубое окружение, долгая разлука опять же...

С другой же стороны, Алеша стал более восприимчив к поэзии. Я спросила его, действительно ли эти чудные большие круглые деревья вокруг наших домов – мимозы, ведь на них цветы мимозы. «Ну да», - ответил Алеша и добавил: «С дуба падали листья ясеня...» Я только не могу вспомнить, откуда этот кусок...

30 апреля.

Алеша очень смеялся, когда я рассказала ему про Зайку. Оказывается, настоящая фамилия полковника – Зайка, и он в тот день давал «отвальную» перед отъездом на Родину на своей кафедре. А существо в коридоре оказалась переводчиком из Харькова Колей Кириленко, который дал обет не мыться до тех пор, пока к нему не придет жена. Он ждет ее уже седьмой месяц. Но специалист он незаменимый. Великолепно разбирается в электротехнике, может починить любую аппаратуру, на кафедре связи занятия с курсантами ведет сам, а начальник кафедры – подполковник Почка – остался не у дел и – то ли от радости, то ли от горя – запил.

10 мая.

Нашими соседями по коммуналке стали переводчик из Киева Сева и его жена Ирина, тоже из Киева, но я думаю, что на самом деле глубоко из-под Киева, по крайней мере, судя по повадкам. В отличие от своего супруга – мягкого, смешливого и немного грустного – Ирина нервная властная особа. Может быть, это объясняется ее малым ростом. У нее очень развит собственнический инстинкт. Видно, как больно ей смириться с тем, что нужно кухню и «службы» с кем-то делить. Поэтому она постоянно торчит на кухне. Чтобы оправдать это присутствие, она регулярно принимает каких-нибудь гостей за кухонным столом. Чаще всего приглашаются переводчики-«холостяки». Им только этого и надо: спиртное льется рекой, пьяные разговоры до поздней ночи. Сева не возражает: всегда есть компания для того, чтобы выпить. И тут для Ирины появляется мучительная дилемма: с одной стороны ей не нравится, что Сева с удовольствием попивает, а с другой – она не может без гостей, потому что тогда к столу могу прорваться я со своими кастрюльками. К тому же, гости часто занимают и «службы», тем самым устанавливая опосредованное присутствие Ирины в сортире и душевой.

1 июня.

Эфиопия мне нравится. Особенно по утрам, после того, как все уедут на работу. Утром прохладно и тихо. Птицы разноцветные чирикают. Эвкалипты пахнут. По дороге из верхней части деревни, или «арба аммыст» (45, т.е. 45-й км) бегут эфиопы на базар (маркат) в нижнюю – «арба арат» (44). Мужчины всегда бегут, худые, легкие. Даже с грузом на плечах, скажем, охавками хвороста. Иногда проезжают на лошадях, запряженных в двуколки. Это - местное такси. Женщины – в большинстве своем красивые, с тонкими чертами лица – не бегают, а быстро идут, завернутые в белые длинные шали – «шаммы».

Иногда они присаживаются на корточки на обочине, как бы задумываются на минутку. Затем встают и продолжают путь. За ними остается лужица. Она быстро исчезает в красноземе. Когда мы ходим на базар, то помимо продуктов питания, мы, как правило, приносим домой и блох. Они перескакивают с шамм торговых, и это даже видно невооруженным глазом. Фраза «блоха в штанах» здесь приобретает буквальный смысл.

Найти и поймать блоху очень трудно: она скачет, как лошадка. Можно, конечно, переодеться во что-то другое, но стоит через некоторое время – недели 2-3 – забыть и вновь надеть, как оглодавшее насекомое набрасывается на тебя с тройной силой и выгрызает целые куски мяса. Говорят, что больше всех от блох страдает Виктор Горин, от каждого укуса у него язва. А Кириленко блохи как будто вообще не трогают.

20 июня.

По-моему, в нашем гарнизоне не все в порядке. Ходят слухи, что начальника гарнизона скоро отошлют обратно за плохую дисциплину личного состава. Он часто проводит офицерские построения, на которых кричит страшным голосом (слышно даже у меня в комнате), угрожая всевозможными карами. И вид у него страшный: стальные челюсти, лицо кирпичного цвета и неизменные черные очки (то ли его глазам больно смотреть на свет божий, то ли в его глаза больно смотреть...).

Вчера он распекал подчиненных за то, что возвращаясь из Аддис-Алема – места религиозного паломничества с древними традициями медоварения – офицеры, перебравши медовухи, въехали на уазике в палатку, в которой мирно спали эфиопы – охранники нашего гарнизона. Бедолаги, как куропатки из-под снега, на четвереньках выкарабкивались из-под обрушившегося на них тента. Сверкая стальными зубами, начальник грозил откомандированием. На этот раз, однако, дело осложнялась тем, что он сам в это время находился в уазике и играл на аккордеоне «Трех танкистов».

1 июля.

Да, нравы здесь довольно простые. Даже среди переводчиков и их семей. Вчера мы были в гостях у Груздей – супружеской пары из Минска. Иван Груздь – большой оригинал. Для него не существует табу: он не стесняется в высказываниях и жестах и живет по принципу: в человеке все должно быть прекрасным. В том числе и то, что из человека тем или иным образом выходит.

Собственно, здесь как-то никто особо не стесняется. Алеша и тот порыгивает после приема пищи. И Слава Стариков – наш новый приятель из Харькова, тоже переводчик. Только у них это как-то жалко получается, отрывисто и мелко. Другое дело – Груздь. Его протяжные, раскатистые рулады слышны не только в его квартире. Любимое его слово – копуляция, любимая поговорка – «Перекуем орала на генитала».

20 июля.

Здесьнюю утреннюю тишь иногда нарушает Ренат Баев. Когда все переводчики уезжают на работу, он, как начальник – пусть и плохонький – любит проверять условия быта своих подчиненных. Проверка сводится к кофе/чаепитию и оглаживанию/пощипыванию женских округлостей. Особенно частым проверкам подвергается Маша Москалева – пухленькая, аппетитная и необычайно наивная. Она вовсе не обижается и только звонко хохочет. Ее наивностью и благодушием злоупотребляет и коварный Груздь. После обеденного перерыва, возвращаясь на работу и проходя мимо Машиного балкона, он выкрикивает слащавым голосом: «Машенька! Машенька!» С радостной улыбкой на лице Маша выбегает на балкон, а Груздь показывает ей неприличный жест. Маша кричит с негодованием: «Фу, Груздь!» и убегает в комнату. Эта сцена повторяется без малейших изменений по меньшей мере 2 раза в неделю. Я поражаюсь: ведь даже собака Павлова запомнила, что происходит после слов «Машенька! Машенька!»

11 августа.

По воскресеньям можно поехать в Аддис-Абебу. Для этого организуется автобус, на который необходимо заранее записаться. Не все желающие влезают. Совместные супружеские поездки не поощряются. Есть мнение особого отдела (это и есть, наверное,

особое мнение), что оказавшись в Аддис-Абебе вместе, муж и жена могут испытать искушение пойти куда-нибудь, например, в американское посольство и там предать Родину, т.е. попросить политического убежища. Случаев подобных еще никогда не было, но может, именно благодаря «особому мнению». Хотя на «их» месте я бы не заикливалась на супружеских парах. Не менее пристального внимания заслуживают холостяки.

Как-то раз мы с Аленой Стариковой проходили мимо итальянского книжного магазина, расположенного на пьядце – центральной площади Аддис-Абебы. Через витрину мы заметили Виктора Горина «из Киева», который с важным видом перелистывал итальянский журнал. Увидев нас, он тут же отложил журнал и выскочил на улицу. Отведя нас в сторонку, Виктор, воровато оглядываясь, попросил нас в магазин пока не заходить, потому как «его там принимают за немца».

Но, конечно же, посещение книжного магазина не является главной целью поездок в столицу. Во-первых, потому, что в нашей гарнизонной библиотеке уже есть книга, которая называется «Танки идут ромбом», а во-вторых потому, что в Эфиопии нужно покупать не книги, а золото. Его прямо здесь добывают, поэтому оно дешевое, и поэтому его нужно покупать. Ювелирные лавки расположены в центре города и торгуют там, преимущественно, итальянцы и, опять же, армяне.

Вторая цель – шмотье. За ним надо ехать на «маркат», который занимает добрую половину Аддис-Абебы. Когда я впервые сюда попала, меня охватил ужас от тысяч и тысяч узких улочек, заполненных всякой кашашей (мусором). В голове крутились только 2 слова: клоака и миазмы. Однако через минуту к нам подскочил бойкий мальчуган и на чистом русском языке произнес: «Пошли за мной, есть джинсовые юбки – заебись!» И пошло-поехало... Через месяц я уже не ужасалась...

На местные закупки, однако, отводятся лишь малая часть зарплаты. Главная цель нашего пребывания – после построения социализма, конечно, – заработать как можно больше чеков, за которые в Союзе можно купить квартиру или машину. Слава Стариков называет это «взиманием интернационального долга». Некоторые идут на крайности. Например, переходят на самые дешевые эфиопские сигареты «Гызылла», на пачках которых нарисована страшная гривастая обезьяна с обнаженными клыками как предупреждение о том, что может произойти с курильщиком. Или пьют катикалу (самогон). Рыжий и маленький подполковник Лева Назаров с тучной своей женой питается исключительно квасом, который они делают из ржаных корок. Корки, в свою очередь, получают из хлеба, который нам регулярно привозят на самолете из Москвы.

15 сентября.

Сегодня утром я и Алена ходили на базар. С нами пошла также Зинка Зверцева. Зинка – из торговой сети, ее не переторгуешь. У нее красное, блестящее и круглое лицо. Кожа на нем упругая, как мячик, и пористая, как швейцарский сыр. Зинка очень веселая и все время похохатывает. Муж ее преподает на огневой кафедре, и у него тоже красное лицо.

По дороге, обрамленной гигантскими эвкалиптами, Зинка обучает нас амхарскому: «Инкуляль – яйца (ха-ха), доро – курица, сыга – мясо» и т.д.. Мы с Аленой это уже знаем, но Зинка считает своим долгом наставничество молодежи. Слишком назойливым попрошайкам нужно говорить: «Хит! – иди!, или зорбаль! – пошел вон!, или – ха-ха - зорбальнахуй! »

Здесь дети часто спрашивают о Ленине: «Ленин алле? (Ленин есть?)». На самом деле, они просят подарить им значок, причем необязательно с Лениным, а любой. Т.е. имя собственное стало в данном случае именем нарицательным, и в новом толковом словаре амхарского языка для слова «Ленин» во втором значении должно быть записано: «значок». В лингвистике для этого есть научный термин, надо вспомнить. Зинка

утверждает, что Лениных попрошайки затем «вдувают за огромные бабки». В этом я сомневаюсь: несмотря на обилие Лениных, признаков обогащения не наблюдается нигде. Зато видны признаки нового времени: на базарной площади у «кебеле» (что-то вроде поселкового революционного совета) – очередь: по карточкам выдают сахар. Боюсь, что вскоре такая же участь ожидает пресловутое кунжутное семя. Недалек тот день, когда его начнут ввозить из-за границы... Так вот на вопрос «Ленин алле?» нужно отвечать: «Ленин йеллем (нет), Ленин слип, мавзолей, Москва, ха-ха.»

Мы заходим к «маме» - эфиопке, содержащей так называемый «бар» - две комнатки с несколькими столиками. «Бар» ничем не отличается от остальных ветхих строений вокруг. Собственно, «бары» - в каждом из них, но «мама» любит русских и наливает до 12 часов дня (делать это раньше запрещено законом). Зинка обращает наше внимание на пустую стеклянную банку, висящую на заборе. «Это значит, что здесь живет проститутка», - со знанием дела говорит она. Судя по количеству банок, висящих на каждом заборе, масштабы проституции в «арба арат» должны быть просто колоссальными.

Зинка заказывает «хулет (два) джин» и «ант (один) бренди» (так здесь повелось: переводчики почему-то предпочитают пить джин, а спецы - бренди). Зинка залпом опорожняет свой «бырчику» (стакан) и тут же покрывается крупными каплями пота, отчего ее пористое лицо еще больше напоминает швейцарский сыр, но на этот раз полежавший в теплой комнате.

Мои глаза постепенно привыкают к потемкам, и я замечаю висящую на самом видном месте фотографию абсолютно советского немолодого человека в усах и советской военной форме. «Это – Баллон, прапор. Он уже уехал. Баллон – это кличка его. Он маму любил. И в итоге переехал сюда жить. Начальство рукой махнуло. Что поделаешь – любовь зла... ха-ха, ха-ха», смеется Зинка, обрызгивая нас слюной. «А чо? Она хоть какая – но баба, а Баллон человек хозяйственный, денег давал, забор подправил, теперь хоть есть куда банку подвесить, ха-ха», - Зинка заходится от смеха. «И детишки вот – его работа. Как две капли – Баллон», - она показывает на полуголых детей, играющих на улице. Их около полдюжины. Силен Баллон, он прожил здесь меньше двух лет, а вот пожалуйста.

1 октября.

Сегодня приехал новый начальник гарнизона. Нас собрали в клубе. Коренастый строгий человек представился: «Меня зовут полковник Зотов». Я про себя подивилась: как это его так могут звать? Неужели вот мама его, принеся из роддома закутанное в одеяльце орущее дитя, сказала умиленно мужу: «Давай назовем его полковникзотов». Однако собравшихся в клубе эта фраза не смутила, равно как и слово «дóсуг», которое часто употребляет полковник Котов. Этот дóсуг у нас теперь будет культурным: помимо показа фильмов «Освобождение» и «Точка отсчета» в клубе будут проводиться регулярные политинформации. Дорожки в гарнизоне будут посыпаны гравием, будут построены волейбольная площадка и баня. Вдоль главной дорожки, ведущей от дома полковника Зотова к бане, будут установлены деревянные полосатые колышки. Колышки, надо понимать, для того, чтобы возвращающийся из бани вечером полковник Зотов не сбился с пути. Новый начальник также проинформировал нас о том, что он был приставлен к семи наградам: двум орденам и четырем медалям.

Я в который раз задумалась о нашем великом и могучем. Как все-таки верно отражена наша действительность в языке. Мы говорим: «приставить кого-либо к награде», что хорошо показывает важность медали или ордена по сравнению с человеком. Если бы дело обстояло иначе, мы бы говорили: «приставить награду к человеку». А так понятно, что медаль – вечна, а человека можно всегда «отставить».

Что подводит меня к самому что ни на есть военному нашему слову – «отставить». Я не встречала более встречаемого слова в военном лексиконе. Любопытно, что команда

«отставить» подается военными не только подчиненным, но и самим себе. Например, из типичной военной беседы: «Прибыл к нам в часть с проверкой генерал Петров». Короткая пауза для мысли. «Отставить Петрова – генерал Иванов». Или: «Ант бырчишко джин – отставить - бренди». Или: «У жены сегодня менструация – отставить - грипп».

Как-то майор Чмых делал нам политинформацию (когда дело с этим обстояло еще кое-как) и докладывал о чем-то важном, что происходило в Вене под «эдигой ООН», и сказал: «...в столице Вены - Австрия». Задумался и дал команду: «Отставить – в столице Австрии - Вена».

Очень часто – в бараках стены тоненькие – военные в мужском своем кругу любят вспоминать, как во время прохождения службы, скажем, в ЗАБВО, к ним в часть приехал командующий с проверкой и кого-нибудь или даже всех, включая рассказчика, «вые...ал». Интересно, настанет ли такой момент, когда кто-нибудь после фразы – «Командир полка Рябokonь – отставить – Рябошaпка вызвал меня к себе и вые...ал» - задумается на секунду и скажет: «Отставить. Я его вые...ал».

10 октября.

Вчерашний вечер был буйным, Ирина пригласила военных строителей, приехавших из Арбы – поселка, расположенного где-то далеко на востоке в саванне на территории национального заповедника, надо полагать, бывшего. Было много народу и алкоголя. Все, затаив дыхание, слушали рассказы одного говорливого строителя про саванну и диких зверей, которых наши отважные строители убивают и едят. И на кого они только не охотятся: и на кабанов, и на крокодилов, и на страусов, и на антилоп... Слава Стариков стал расспрашивать поподробнее:

- А слоны там у вас есть?

- Е-е-е-сть!

- А жирафы есть?

- Е-е-е-сть!

- А... а... бегемоты?

- Е-е-е-сть!

- А кенгуру?

- Е-е-е-сть!

После чего рассказчик задумался и медленно произнес: «Нет. Кенгуру нет». Потом задумался еще глубже и добавил: «Мне так кажется...»

Большое впечатление произвел также рассказ об афарах – диких высоких людях, которые кочуют по Эфиопии, Джибути и Сомали, не признавая границ. Они носят старинные итальянские ружья и длинные ножи. Если в саванне им попадает одинокий белый человек (надо полагать, мужчина), они «отрезают ему этим ножом яйца, высушивают их и вешают на шнурке на шею в качестве ценного трофея».

25 октября.

Чтобы как-то отвлечься от этих ночных гулек, хорошо выйти в лоджию, или, как здесь, говорят, на балкон, чтобы перекурить и полюбоваться ночным африканским небом: звезд на нем видимо-невидимо, гораздо больше, чем в Москве. Иногда можно заметить, что один из крупных кактусов под окном (их вокруг тоже видимо-невидимо), шевелится. И даже время от времени покашливает. Это – Хворост Федор Иванович, преподаватель с кафедры марксизма-ленинизма - небольшого роста (хотя для кактуса рост у него весьма приличный) человек с утиным носом. Он так часами может простоять под окном, подслушивая наши пьяные разговоры. Если на него не обращать внимания, он так и будет стоять, считая, что его никто не видит. Когда же к нему обращаешься и говоришь: «Что же Вы, Федор Иванович, нехорошо подслушивать», он вовсе не смущается и объясняет, что ему важно знать, чем живет сегодняшняя молодежь, и что ему больно, что мы так прожигаем лучшее свое время. Когда у меня паршивое настроение, я не разговариваю с

ним, а лишь здороваюсь. Федор Иванович в душу не лезет, поздороваётся вежливо – и молчит.

12 ноября.

Сегодня Алеша - дежурный переводчик и должен всю ночь не спать: ему дали автомат, и он должен время от времени обходить наш посёлок. Я иногда заглядываю к нему в дежурку. Возле телефона, который нужно крутить за ручку и по которому, как мне кажется, всё ещё можно связаться с товарищем Лениным, висят инструкции по поводу того, куда и как звонить в случае чрезвычайного положения, как связаться с кубинской бригадой и т.д.. Висит также и краткий русско-амхарский разговорник. Например, если не приехала машина, которая должна везти наш личный состав в миссию, необходимо спросить: «Лямын (почему) макина (машина) мишн (миссия) ейллем (нет)?» И добавить имя водителя: «Шофер Сори». Если в ответ начинаются пространные объяснения, то надо просто положить трубку. Если машина всё-таки не появляется через какое-то время, нужно опять позвонить и спросить: «Лямын макина мишн йеллем? Шофер Сори.» И т.д....

Вообще нужно отдать амхарскому языку должное – он тоже велик и могуч, потому как наши специалисты, оперируя всего лишь несколькими амхарскими словами с небольшими английскими добавлениями, умудряются обучать эфиопов, скажем, подрывному делу. В лексический минимум входят: чигир алле? (проблема есть?), чигир йеллем (проблем нет), сра – работа, шифта – бандиты, сепаратисты, контрреволюционеры, эритрейцы и сомалийцы, агун – сейчас, бугваля – потом, катикала – самогон, шармута – проститутка и, конечно, бузу – много.

«Ну что, кадеты, - спрашивает преподаватель инженерной кафедры, - вчера катикала бузу-бузу? Шармута бузу-бузу? А теперь – демолишн (demolition – подрывные работы) проблем, еби его мать?»

Или вот попытка перевести русскую пословицу «делу время – потехе час»: «агун – сра, а бугваля – потом!»

Или нужно поинтересоваться, почему что-то не работает. Здесь активно используется английский глагол «sleep» - спать. Например, почему не работает машина: «Лямын машина слип?», или трактор: «Лямын трактор слип?».

В трудных случаях приходится прибегать к услугам переводчика. Вот вчера прапорщик Сидоров попросил Алешу перевести курсантам, что «они стреляют богу в яйца». Бравый топограф Харченко – исполин, служивший когда-то в Кремлевском гарнизоне – тоже просил помощи у Славы Старикова.

- Значит так, товарищи курсанты: карандаш должен быть заточен как хуй у комара. Давай я сам переведу. Как будет по-английски карандаш, я забыл?

- Пенсил.

- Так, кадеты, атеншн! Пенсил маст би... Как будет заточен?

- Шарп.

- Так это ж магнитофон!

- Это совпадение.

- Так, атеншн! Пенсил маст би шарп лайк москито... Слав, как будет хуй по-английски?

- Пенис.

- Так ты ж говорил, что это карандаш?

15 ноября.

Какой ужас, какой ужас! Артиллеристы уезжают на учебные стрельбы в Арбу, в ту самую саванну, где кровожадные афары отрезают... Писать много сегодня не придется: предстоит долгое прощание с моим любвеобильным Алешей...

20 ноября.

У нас появился доктор. Он будет курсантов учить, а нас – лечить. Имя его – Вильгельм. Приехал он сразу с женой, которая отличается (или, наоборот, не отличается) опухшим лицом и красными глазами. Докторша органично влилась в коллектив, моментально спевшись с Зинкой Зверцовой. По утрам она выходит на крыльцо, распустив длинные, по локти, волосы, чтобы покурить. Покурив, она весело кричит спящему еще Вильгельму хриплым голосом: «Вставай, Полкан, ты уже усрался!»

Сам же Вильгельм в первый день своей работы попал впросак, отдав на перевод написанную им методическую разработку о том, как правильно надо наматывать портянки. Ренат Баев очень развеселился и побежал показывать разработку советнику начальника учебной части. Смеху было! Портянок-то еще в Эфиопии никто даже не видел, они еще не достигли такого уровня развития и ходят в носках и ботинках. Вильгельм никак не смутился и написал разработку о действиях солдата в случае обморожения...

1 декабря.

В последнее время у меня появляются страшные подозрения, и опять же очень хорошо, что никто о них никогда не узнает. Я боюсь, что мы не сможем построить социализм в отдельно взятой Эфиопии. Причина – языковая. Амхарский минимум все-таки недостаточен, преподавание приходится вести на английском языке. Но здесь есть две проблемы. Первая заключается в том, что курсанты не знают английского языка. И если как стрелять (хотя бы богу в яйца) еще можно как-то показать (мне так кажется...), то как научить тому, как создать рабочую партию, которая затем построит социализм? Ведь ситуация нестандартная: в России сначала была ленинская партия, а потом – революция. Здесь же был только Менгисту, который всех перестрелял и пришел к власти. А как объяснить, например, три источника марксизма-ленинизма? Вот переводил Юрий Орлов (великий пурист английского языка, говорит с таким чистым британским акцентом, что сам себя с трудом понимает) про утопический социализм. Рассказал о городе Солнца, об острове Утопия и говорит: «Это называется утопический социализм». На это заявление все курсанты издают характерный для эфиопов звук, похожий на бляение и означающий полное непонимание: «Эндэ-э-э?»

- This is called Utopian socialism .
- Эндэ-э-э?
- This is called Utopian socialism.
- Эндэ-э-э?
- This is called Utopian socialism .
- Эндэ-э-э?

Наконец самый сообразительный из курсантов вскакивает и выкрикивает: «Итиопиэн соушилизм!» Что означает, конечно, «эфиопский социализм». Тут все курсанты издают еще один характерный звук, означающий понимание и похожий на придыхание: «ах!» и добавляют: «ищи!», что примерно можно перевести как «окей». Подобную картину, правда без придыханий и «ищи», я наблюдала сама. Эфиопы привезли в гарнизон какую-то мебель, и чтобы поддержать контакт с населением Орлов подошел к шоферу-эфиопу и поделился с ним таким замечанием: «It's quite a bulky piece of cargo, isn't it?¹», - сказал он.

- Эндэ-э-э?
- It's quite a bulky piece of cargo, isn't it?
- Эндэ-э-э?
- It's quite a bulky piece of cargo, isn't it?

---

¹ Довольно тяжелый груз, не правда ли?

- Эндэ-э-э?

Сцена напоминала эпизод из мультфильма про почтальона Печкина, который «принес посылку для вашего мальчика». Орлов продолжал делиться с несчастным эфиопом своим метким замечанием до тех пор, пока тот (наверное, от усталости) не перестал произносить «Эндэ-э-э?» и спросил: «Ленин алле?»

Некоторые же переводчики, как мне кажется, либо не очень добросовестно относятся к своим функциональным обязанностям, либо сами не уступают эфиопам в знании английского языка. Иначе как так получилось, что в языке Шекспира на автомобильной кафедре появились слова: шуруп, кардан, клапанá? Вот, например, у переводчика из ВИИЯ Жарикова первый иностранный язык – иврит. А у Галкина – человека чисто еврейской наружности – вьетнамский. Он, правда, старается повысить свой уровень и постоянно читает книги Гарольда Робинса и Жаклин Сюзан. Ничего другого, кроме этих книг, он не покупает. Все остальное он расходует на алкоголь.

Я, кстати, тоже пыталась читать эти популярные книжки, но меня все время отвлекали фразы типа: «She became wet between the legs» или «She fell moist between her legs», которые попадались на каждой второй странице. Я никак не могла найти удачный вариант перевода, в голову лезли лишь буквализмы: «Она стала мокрой между ногами» или «Она почувствовала себя влажной между своими ногами». Так нельзя, конечно, переводить, но я и не переводчик.

Именно вьетнамист Галкин стал первой жертвой облагораживания территории: возвращаясь из «арба арат», он не вписался в ворота, в которые обычно легко проходит артиллерийский тягач, упал и проехал лицом по гравию. Страшно было смотреть. Особенно пострадал нос, который и до происшествия был немалых размеров. А раньше падал Галкин в траву - и ничего.

5 декабря.

Слава Богу, все обошлось! Стрельбы в Арбе прошли благополучно, Алешин взвод попал в воздушный шар, запущенный в небо на веревке. Людских потерь не было, Алеша тоже ничего не потерял. Все, слава Богу, на месте, поэтому писать долго не могу...

10 декабря.

Алешу перевели на инженерную кафедру к тыловикам. Ему не очень нравится: артиллеристы теперь кажутся ему элитой. Специалист, к которому он (как к награде) приставлен, прибыл недавно. Он раньше служил в ГДР и считает, что поскольку эфиопы говорят на иностранном языке, а немецкий язык – иностранный, то они должны понимать по-немецки. На занятии, которое посетил начальник учебной части майор (шамбель) Мелесси, он все взял на себя: уже подхватив несколько слов из амхарского минимума, он перемежал их немецкими «яволь», «хир» (здесь), эс гибт (имеется) и т.д.. Алеше он разрешал переводить лишь те слова, которые знал только по-русски. «Гутен таг, шамбель Мелесси, - приветствовал он проверяющего, - хир у нас взвод – нойн кадет, которые обслуживают полевою кухню. Хир эс гибт полевая кухня. Как видите, шамбель Мелесси, хир у нас все полный орднунг. Хир у нас дрова, хир – продукты питания, хир – каша» (это он спутал с кашашей, т.е. «мусором» по-амхарски). Майор Мелесси был крайне удивлен и при очередном немецком гаркании испуганно вздрагивал головой, но ничего не сказал.

20 декабря.

По линии досуга сдвиги колоссальные: помимо бани и волейбольной площадки, в зрительных скамейках в кинозале сделали углубления под «задние места». Размеры, наверное, снимали с жены начальника гарнизона, я просто проваливаюсь в выемку, ноги задираются вверх, а край скамейки врезается в ноги под коленками. Стало невыносимо смотреть «Точку отсчета», я уж не говорю про «Освобождение».

Помимо организованного отдыха, есть еще и так называемое личное время – когда каждый занимается любимым делом. Полковник Назаренко выращивает помидоры перед своим баракком, будущий старший переводчик Завьялов проводит занятия по каратэ, подполковник Ярыгин изготавливает африканские сувениры: шлифует огромные рога местных буйволов. В прошлое воскресенье я увидела его на крыльце просверливающим ручным коловоротом панцирь большой черепахи, явно сошедшей со страниц Красной книги. «Хочу пепельницу сделать, - объяснил он, - а вот убить никак не могу. Вот решил просверлить, может - сдохнет». Я сказала, что в такой пепельнице поместятся не только окурки, но и сам подполковник. Он очень смеялся.

Переводчик из Минска Москалев – худенький и не выпускающий изо рта сигарету – все свое свободное время посвящает написанию самоучителя по вождению автомобиля. Он даже смастерил учебное пособие из табуретки с приделанным к ней рулем, который он приволок с автомобильной кафедры. Это приспособление стоит у него на кухне, и Москалев, прежде чем сделать очередную запись в самоучителе, проверяет ту или иную манипуляцию рулем на практике. Когда он думает, что рядом никого нет, он издает звук работающего мотора. Кроме самоучителя его ничего не интересует. Подозреваю, что именно он занес «шуруп» в английский язык.

Но основное занятие в личное время – это, конечно, беспробудное пьянство. Поэтому важно всегда быть бдительным и стараться держаться минимально буйных людей, т.е. таких, которые, по крайней мере, шваброй в тебя швыряться не будут. Например, Стариковых. Они – или я уже писала об этом? – из Харькова. Подумать только, я раньше считала, что Харьков – это просто большой железнодорожный узел, через который мы проезжали с мамой, когда ездили отдыхать к родственникам в Кременчуг. Оказывается, это - целый город с домами, университетом и переводчиками... Слава – человек с университетским кругозором, но из-за того, что жил, в основном, на Украине, часто неверно ставит в словах ударение.

С Аленой я очень сдружилась. Она - умная и интеллигентная, с мягким чувством юмора. Однажды она купила эфиопский коврик и положила у порога на балкон. В период дождей коврик стал издавать неприятный запах. Я даже сказала, что он пахнет ослиной мочой. На что Алена, с едва заметной улыбкой, произнесла: «Это Слава на него пописял». В общем, с этими ребятами нам комфортно.

2 января.

Новый год прошел в лучших традициях, т.е. не без эксцессов. Отмечали у Груздей, компания была большая, джин лился рекой. Но все равно не хватило. Груздь дал команду жене Любе пошукать по шухляткам. Безрезультатно. Тогда он достал из чулана довольно замызганную рубашку, включил утюг и принялся ее ожесточенно гладить, чтобы немедленно (в 3 часа ночи) отнести в «арба арат» на продажу. Четырехлетний его Ростик, осатанев от недосыпа, ходил вокруг и канючил. Груздь приказал ему «закрыть пасть». Ростик не унимался. Тогда Груздь взял стоящую рядом детскую пластмассовую скамеечку и как хрястнет ею Ростика по голове. Тот умолк. Боюсь, быть ему теперь тыловином...

15 января.

Наш гарнизон украшает все большее количество женщин. По вечерам по дорожкам, посыпанным гравием, теперь неспешно прогуливаются жены офицеров. Иногда они собираются в группки, рассаживаются на скамейки возле баракков и обсуждают животрепещущие темы – в основном, кто что купил в Аддис-Абебе и за сколько. К сожалению, такие идиллии часто нарушаются появлением переводчика Толи Илюшина – розовокожего щуплого альбиноса. Толя – обычно тихий и вежливый человек. Однако стоит ему выпить, пусть самую малость, и он совершенно меняется. Опьянение его имеет обычно три стадии. На самой первой Толя раздевается и мирно укладывается спать. Через некоторое время – вторая стадия – он просыпается. Вместе с ним в нем

просыпается синдром путешественника. Ему обязательно нужно куда-нибудь идти, желательно на люди. В начале он просто стоит молча рядом с собравшимися в кружок женщинами и с улыбкой слушает их разговор. К сожалению, Толин внешний вид вскоре начинает вызывать у женщин смущение: Толя впопыхах одевался, и у него, как правило, не застегнута ширинка, или даже не до конца надеты штаны. Постояв так минут 10, Толя начинает предпринимать попытки поучаствовать в беседе и рассказать женщинам о всех тяготах, которые претерпел он, когда советских специалистов вывозили на машинах из Уганды в Кению после свержения Иди Амина. Историю это уже все знают, и дело заканчивается тем, что кто-нибудь из переводчиков уносит легкого Толю домой спать. После короткого отдыха у Толи начинается третья стадия – агрессивная. Он опять выходит на улицу, на это раз для того, чтобы отомстить за нанесенные обиды. В последний раз он решил воздать по заслугам переводчику Жарикову, массивное телосложение которого, возможно, напомнило Толе ненавистного Иди Амина. Извергая страшные проклятия, Толя схватил Жарикова за погончик. Тот просто толкнул его, и Толя улетел в цветочную клумбу. Потом долго пытался встать, приговаривая: «Упал, дьявол!...»

Военные таки правы: все это, конечно не досуг, а только дóсуг...

10 февраля.

Принимаются меры по усилению охраны нашего личного имущества. Эфиопы – милейшие, тихие и приветливые люди, но некоторым из них не чуждо мелкое воровство: развешенные сушиться на лоджиях полотенца иногда пропадают. Потом их можно увидеть в деревне или в поле. Эфиопы любят заворачивать в них свои головы по утрам – от холода. Чтобы пресечь это безобразие, перед инженерной кафедрой была поставлена задача разработать взрывное устройство, имеющее отпугивающий эффект, но не наносящее физического вреда. Найти этот деликатный баланс было поручено подполковнику Овсееву.

Сегодня нас собрали в клубе, где начальник кафедры доложил способ действия и устройство устройства. Оно состоит из «собственно заряда», взрывателя и проволоки, приводящей его в действие. Проволока натягивается вдоль перила лоджии, и стоит эфиопу ее задеть, как происходит срабатывание взрывного устройства, производящего отпугивающий взрыв.

После теоретической части всем было предложено выйти из клуба для практической демонстрации устройства. Проволока была уже натянута на перилах клубной лоджии. Демонстрация устройства, по военным законам, была поручена его изготовителю. Атмосфера была наэлектризована. Офицеры толпились, стараясь выдвинуться на позиции, благоприятствующие лучшему наблюдению.

«Товарищи офицеры, - произнес начальник, - приступаем к практической отработке. Демонстрацию будет проводить подполковник Овсеев, который будет выступать в роли эфиопа». Все посмотрели на Овсеева – коренастого, крепко сбитого и добродушнейшего на вид пожилого человека. Было видно, что он испытывает дискомфорт. Ему явно не хотелось быть эфиопом. Ранее Овсееву уже поручали изготовить холостое взрывное устройство для новогоднего представления. Он посвятил всего себя выполнению поставленной задачи: 2 недели не ходил на кафедру, все работал над устройством. Но все равно не рассчитал: взрыв был такой силы, что в ближайшем к эпицентру клубном окне вылетело стекло. Женщины визжали. 5-летний сын прапорщика Сидорова, игравший в это время на улице, упал на землю и по-пластунски прополз в середину цветочной клумбы, подумав, что начались военные действия. Подполковнику Овсееву была объявлена благодарность.

«Итак, - продолжал полковник, - вот эфиоп крадется к балкону». Очень медленно, втянув голову в плечи, Овсеев отработал «прокрадывание». «Вот эфиоп начинает перелезать через перила». Овсеев, словно в замедленной съемке, занес свою короткую

ногу над перилами. Осторожное выражение его лица поменялось на обреченность. Все поняли, что Овсеев не полностью доверяет своему изделию.

«Вот ничего не подозревающий эфиоп задевает проволоку». В голосе начальника кафедры слышались садистские нотки. Все подозревающий Овсеев робко тронул проволоку носком ботинка.

«Задевает проволоку как следует...» Овсеев зажмуривается. «Эфиоп задевает...» Голос полковника суровеет. Овсеев решается. «Проволоку», - заканчивает полковник. Последнее его слово тонет в оглушительном взрыве. Овсеев сваливается внутрь балкона, но тут же вскакивает с виноватой улыбкой на лице. Все рукоплещут.

15 февраля.

Неприятная новость: эфиопская таможня перестала разрешать вывозить из страны валюту, в том числе и чеки. Вместо того, чтобы выдавать их в Москве, начальство посоветовало нам прятать чеки как можно лучше, чтобы таможенники в аэропорту не нашли...

8 марта.

Сегодня – знаменательный день. Нет, не потому, что 8 марта, а потому, что нас посетил главный военный советник. Женщинам было велено приветствовать генерала в лучших нарядах с «хлебом-солью». Многие надели «юбки-заебись».

ГВС оказался набыченным и массивным мужчиной с суровым выражением на лице. Он был выше на голову даже нашего богатыря Харченко. Было видно, что в нем очень много полезных советов, может быть, даже 300, и что он обязательно кого-нибудь «вые...ет».

После «хлеба-соли» было офицерское построение, на котором были поставлены важные задачи в связи со скорым посещением нашего училища самим Менгисту Хайле Мариамом. Ко всеобщему облегчению, ГВС остался офицерами доволен. До построения Ренат Баев уговорил (с большим трудом) Груздя не пердеть в строю, как он это обычно делает: издаст характерный звук и стоит с самым невозмутимым видом, как будто это вовсе и не он.

Нашу территорию тщательно осмотрели приехавшие с ГВС эфиопы в штатском, прекрасно говорившие по-русски. Единственную претензию они предъявили к собаке Чулку (названной так из-за черной, без единого пятнышка, шерсти), потребовав ее удаления на время высокого визита.

15 марта.

После установки взрывных устройств спокойная жизнь в нашем поселке закончилась. В течение дня то там, то сям раздаются взрывы. Чаще всего причиной срабатывания устройств служат дети, которые любят перелезть через перила. Иногда цепляются за проволоку крупногабаритные домохозяйки. Регулярно подрывается на «собственно заряде» Маша Москалева, выбегающая на балкон по любовному зову Груздя. Теперь ее всегда ожидает двойной сюрприз.

1 июня.

Бедный Лева Назаров! При отлете на Родину он попался в Аддис-Абебском аэропорту: стараясь получше спрятать чеки, он не нашел ничего лучше, чем запихать толстенную «котлету» в нагрудный карман рубашки. Таможенник, увидев Леву, сразу ткнул коричневым пальцем в выпирающий карман и спросил: «What is this?» Лева развернулся и бросился бежать. Его поймали, был скандал, Лева кричал про квас, вмешался ГВС, кое-как разобрались.

22 июня.

Чулка больше нет. Было объявлено, что у него – бешенство (диагноз ставил доктор Вильгельм), и он подлежит уничтожению. Отстрел поручили лучшему стрелку – прапорщику Сидорову с огневой кафедры. На окраине нашего гарнизона снайпер произвел по Чулку 4 (четыре) выстрела из пистолета Макарова, в результате чего Чулок получил легкое ранение и в поисках безопасного убежища попытался укрыться в детском саду. Там он и был прикончен на глазах у изумленного детского личного состава.

23 июня.

Вьетнамиста Галкина тоже не стало. Его решили- таки отправить досрочно на Родину (не историческую). Утром он стоял у гаража, ожидая машину в Аддис Абебу. Вид у него был жалкий: помятая форма, гражданский полосатый галстук, надетый прямо на голую шею, и советская авоська, наполненная покетбуками Гарольда Робинса.

5августа.

Вот и наступил день великого посещения! На центральный плац училища – между офицерским баром и библиотекой, оставленной на память американцами, возвели трибуны для зрителей. Места для преподавателей (и нас, соответственно) расположили близ сооружения, напоминающего боксерский ринг с императорским тронном посредине. С утра здесь репетирует духовой оркестр, который с каждым маршем звучит все более расстроено. Над тронном, на стене библиотеки висит гигантский плакат, нарисованный по тем же канонам, по которым исполняется эфиопская духовая музыка. На нем изображены, как водится Маркс, Энгельс и Ленин. Казалось бы, ничего удивительного. Но только профиль Маркса смотрит влево, Энгельса – вправо, а Ленин смотрит прямо тебе в лицо. Что-то наподобие русской тройки. Или лебедя, рака и щуки.

Под музыку и аплодисменты, в сопровождении многочисленной свиты в военном и штатском, появляется сам Менгисту. Он оказывается маленьким и худощавым. Таким он кажется до тех пор, пока не усаживается на трон, с которого взирает на всех сверху вниз. Почти не поворачивая головы, Менгисту скользит мелкими глазками по нашим трибунам. На мгновение глазки останавливаются на мне. Они совершенно невыразительные, но я почему-то чувствую себя Чулком в детском садике.

После прохождения под высоким взором парада и оркестра, Менгисту исчезает, а нас приглашают на прием, организованный под огромным тентом, натянутым над длинными столами. Нестройная маршевая музыка сменяется на нестройную игривую. Эфиопские офицеры накладывают на тарелки любимое блюдо – отборное сырое мясо с горкой красного перца. Помимо тарелки прибор включает здоровый острый нож. Прием пищи осуществляется следующим образом: офицер хватает (обычно левой рукой) кусок мяса и вгрызается в него зубами. Другой рукой он хватает нож и быстрым взмахом отсекает мясо прямо перед губами. Жуткое зрелище: одно неверное движение – и губ или носа как не бывало...

1 сентября.

Галкину прислали достойную замену - некоего Гладкова. Какие у него языки – никто толком так и не узнал. Но лингвистические способности немалые. В первый же по приезде вечер он усвоил слово «бырчику» и исчез в «арба арат». По факту запоя и самовольной отлучки было решено провести комсомольское собрание, на котором выступил сам Зотов. И – о чудо! – сразу после его слов о том, куда смотрит комсомольская организация, и где пропадает комсомолец Гладков – на пороге клуба, в котором проходило собрание, появляется сам Гладков с благой улыбкой на устах и крупными каплями джина на выпуклом большом лбу. «Гладков, - спросил командир, - Вы в баре были?»

- Где? В бане? Да нет, туда же очередь, записываться надо.
- Я Вас спрашиваю, Вы в баре были?
- В армии? Нет, я до этого не служил.

На Зотова было страшно смотреть: лицо его побагровело, на лбу пульсировала вздувшаяся вена.

- Я Вас в последний раз спрашиваю: Вы в баре были?
- А, да, в баре - конечно, дежурный бырчи́ко – святое дело папа с мамой...
Немая сцена...

1 ноября.

«Гусей крикливый караван тянулся к югу. Приближалась довольно грустная пора – ноябрь стоял уж у двора». Да, грустно. Мне грустно в собственный день рождения. Позже придут гости, и будет весело, но пока грустно. Может, от того, что хочется домой. Хотя что дома, будет лучше? Мне ведь кажется, что я даже не люблю свое государство. Ох, хорошо, что мои мысли никто не слышит. Но все равно – отставить... В любом случае, я устала от армии. Я не могу здесь быть ни по призыву, ни по призыванию. Вольное мое определение подходит к концу. Все сходят с ума. Вот в прошлую субботу, находясь под воздействием винных паров и смертельно обидевшись на что-то сказанное мной, Слава Стариков бросил в меня шваброй. Причем я уже вышла из комнаты, но швабра была брошена столь искусно, что пролетела, через коридор и повернула на 90 градусов за мной на кухню. «А она за мной, за мной, по Садовой, по Сенной...» Но все же до меня не долетела. Слава же, осознав ужас содеянного, театрально зарыдал. Во как. Короче, пора домой. Да и дожди, по правде говоря, зае...

«Да, - подумала Алла, - как здорово было бы, если я бы вела тогда дневник. Прочла бы сейчас и вспомнила.. Хотя и без него можно вспомнить, но только лучше вместе с друзьями. «Помните, как приезжал к нам в гарнизон с проверкой генерал Боков?» - скажет Слава Стариков. Задумается и даст себе команду: «Отставить – генерал Быков». Так точно. Надо пойти выкурить еще сигаретку, пока все спят, чтобы как-то успокоиться. А то что-то я разволновалась в свой собственный день рождения. Столько лет прошло...»